

*О, как велик, велик На-поле-он!
Он хитр, и быстр, и твёрд во брани;
Но дрогнул, как к нему простёр в бой длани
С штыком Бог-рати-он.*

Г. Державин

... Когда в Тарутинском лагере под Калугой фельдмаршал Кутузов готовил свою армию к предстоящим боям с полчищами Наполеона, во владимирской глубинке тихо умирал раненный на подступах к Москве генерал от инфантерии Пётр Иванович Багратион. Сражение при Бородине историки назовут не генеральным, а *генеральским*. И в какой-то мере такое определение окажется справедливым: в Бородинской битве погибли и были ранены 49 наполеоновских и почти тридцать русских генералов.

В тот день, 26 августа (7 сентября) 1812 года, армия Бонапарта безвозвратно потеряла четырнадцать генералов, семеро из которых были убиты наповал. Дивизионный генерал Огюст Коленкур погиб от шальной пули в голову; генерала Плезонна сразил штуцер русского егеря. Не вышли из боя Годен, Ле-Гран, Федерик, Марион. Был убит начальник генерального штаба корпуса маршала Даву генерал Ромене... Таких потерь “Великая армия” ещё не знала.

Из восьми погибших русских генералов лишь двое получили смертельные ранения на поле сражения: начальник артиллерии 1-й армии 26-летний Александр Кутайсов был убит ядром, командир пехотной бригады Александр Тучков 4-й – сражён картечью (Тучкову было 34 года). Остальные шестеро позже скончались от ран.

Среди них оказался и **Пётр Иванович Багратион**. Однако в случае с этим военачальником не всё так просто. Вопреки расхожему мнению, Багратион во время боя за Семёновские флеши был серьёзно ранен, но *вовсе не смертельно*. Подтверждением тому, что ранение прославленного генерала было не смертельным, является хотя бы тот факт, что Багратион скончался лишь *на семнадцатый день* после случившегося. Его рана совсем не предвещала гибельного исхода, самым худшим вариантом которого могло стать разве что лишение конечности (ноги) вследствие хирургической ампутации. Однако ничего подобного не произошло. Военные доктора будто нарочно тянули время, не решаясь на ампутацию. Они раз за разом удаляли из раны инородные тела, в том числе осколки гранаты; чистили и промывали место ранения, пока не дотянули до “гнилой горячки” (сепсиса) и “антонова огня” (гангрены).

И это при том, что эта самая рана, как показала операция, оказалась “*весьма глубокою*”...

Позже (даже в наши дни) докторов, лечивших прославленного генерала, будут обвинять в том, что смерть генерала стала следствием неправильно поставленного первичного диагноза. Но вряд ли так было на самом деле. Обвинять врачей в данной ситуации можно только в одном: в том, что они по какой-то причине не решились пойти на радикальную операцию, связанную с ампутацией. И вот он, главный вопрос: не решились ли им это *было не велено*? Например, самим Багратионом. То есть раненый, возможно, сознательно отказался от сложной операции, подвергнув себя в игре на выживание смертельному риску. И в этом противостоянии оказался проигравшим...

* * *

Во время генерального сражения при Бородино армия Багратиона составляла левое крыло боевого порядка русских войск, по которому Наполеон (опять по какому-то роковому стечению обстоятельств) нанёс основной удар. Семёновские, или Багратионовы флешы утюжили четыреста французских пушек; укрепления несколько раз переходили из рук в руки. Несмотря на то, что защитниками флешей было отбито несколько атак противника, натиск французов оказался слишком силён. Остановить неприятеля не могли ни огонь пушек, ни мужество русских солдат. Понимая это, Багратион ближе к полудню возглавил всеобщую контратаку левого крыла, в результате которой стороны сошлись в жесточайшей рукопашной схватке, продолжавшейся более часа.

В пылу боя никто не заметил, как рядом с Багратионом взметнулась земля. Металлический осколок сферической гранаты раздробил генералу ногу. Какое-то время командующий мужественно силился скрыть от подчинённых свою рану, но сильное кровотечение его обессилило. Повалившегося с коня Багратиона подхватил офицер Александр Олсуфьев и осторожно положил на землю. Потом генерала быстро унесли. Лекарь лейб-гвардии Литовского полка Яков Говоров отметил, что князь “*ранен в переднюю часть... берцовой кости черепком чиненого ядра*”¹. *Осколок угодил в “берцовую кость” ниже колена.*

Случившееся с Багратионом потрясло армию, из которой, говоря словами очевидца, “*душа как будто отлетела*”. Весть о ранении любимого генерала мгновенно разнеслась по рядам русских войск, повлияв не самым лучшим образом на моральный дух защитников флешей: не выдержав натиска французов, солдаты стали постепенно отходить. Ординарец Багратиона кирасир Адрианов подбежал к носилкам и со слезами в голосе сказал:

— Ваше сиятельство, вас увозят на лечение, выздоравливайте. Ну, а мне уж нет никакой надобности быть при вас... Прощайте!..

С этими словами он побежал к передней линии дерущихся, где, врезавшись в самую гущу неприятеля, принялся рубить саблей направо и налево. С саблей в руках и погиб...

* * *

К сожалению, князь Пётр Иванович Багратион ранен пулею в левую ногу.

Из рапорта М. И. Кутузова императору Александру I

А теперь по порядку. Поняв, что он серьёзно ранен, Багратион пришёл в отчаяние: коварный осколок ударил именно в тот момент, когда его 2-я кирасирская дивизия пошла в атаку. Лишь после того, как генерал убедился в успехе своих кирасиров, он оставил поле битвы.

Следует заметить, с первых же минут после ранения начались серьёзные проблемы, связанные с оказанием Багратиону медицинской помощи. Дело в том, что первая медицинская помощь командующему была оказана не сразу.

¹ Говоров Я. И. Последние дни жизни князя Петра Ивановича Багратиона. С-Петербург, Морская типография, 1815. С. 3. (Далее — Последние дни жизни Багратиона.)

Личным врачом князя был доктор Иван Иванович Гангарт, возглавлявший организацию медицинской помощи 2-й армии. Однако незадолго до ранения своего начальника он, упав с убитой ядром во время боя лошади, получил контузию головы и множественные ушибы, по причине чего был отправлен в госпиталь, располагавшийся в Можайске, в 12 верстах от района боевых действий.

Контузия главного лекаря явилась большой неожиданностью для всех: на какое-то время штаб 2-й армии оказался без врача. С этим и было связано досадное промедление с оказанием командующему медицинской помощи.

Так что Багратиону ничего не оставалось, как лишь наблюдать в подзорную трубу за атакой русских кирасиров. Однако рана вызывала нестерпимую боль и сильно кровоточила. Вскоре князя вынесли на восточную сторону Семёновского оврага (южнее одноимённой деревни), к так называемой подошве Семёновской высоты. Именно там Багратиона впервые осмотрел доктор. Им оказался старший полковой лекарь Литовского лейб-гвардии полка Яков Говоров.

Выпускник Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, до войны Говоров служил в столичном военно-сухопутном госпитале. Став доктором медицины, он был назначен в Кексгольмский пехотный полк (впоследствии был переименован в лейб-гвардии Московский). С 1811 года – старший лекарь Литовского лейб-гвардии полка.

После Отечественной войны 1812 года Яков Иванович Говоров опубликовал несколько научных трудов, среди которых оказалась и книга *“Последние дни жизни князя Петра Ивановича Багратиона”* (Санкт-Петербург, 1815). В контексте нашего повествования данная книга чрезвычайно важна, ибо к строкам этих воспоминаний мы обратимся не раз. Уникальное сочинение явилось, по сути, развёрнутой историей болезни имениного генерала, что для исследователей чрезвычайно важно, тем более что лечение князя Багратиона закончилось трагически.

* * *

Пока адъютанты в растерянности бегали вокруг раненого Багратиона, Кутузов, обеспокоенный ситуацией на левом фланге, ввёл в бой гвардию. В сторону Семёновской выдвинулись лейб-гвардии Измайловский, Литовский и Финляндский полки из 5-го гвардейского пехотного корпуса генерал-лейтенанта Лаврова (потому-то лекарь, впервые осмотревший Багратиона, оказался из одного из них, Литовского).

Говоров металлическим зондом исследовал глубину и ширину раны, произведя раненому *первую перевязку*. Однако во время этой манипуляции лекарю не удалось добиться главного: распознать перелом. Решив, что рана *пулевая*, военный доктор наложил *простую повязку* и назначил консервативную терапию.

Ошибка полкового лекаря наверняка должны были заметить более именитые доктора. Но этого не случилось. Врачом, который повторно обследовал Багратиона, был главный медицинский инспектор, или начальник медицинской службы русской армии, Яков Васильевич Виллие. Главный лекарь осмотрел князя уже в *развозном госпитале*, располагавшемся в санитарных палатках в районе Псарёвского леса, куда в коляске был доставлен раненый.

В прифронтовом госпитале творилось несусветное. Офицер Ольферьев, сопроводивший Багратиона, позже писал своей сестре: *“... Легче пробыть шесть часов в бою, нежели шесть минут на перевязочном пункте. Кругом лужи крови, то красной тёплой, то чёрной и уже застывающей. Тысячи стонов поднимаются к небу. Лекари работают, сбросив сюртуки, подвязав передники и засучив рукава до локтей”*¹.

Ещё при первом осмотре Яков Говоров определил, что рана была *“сопряжена с повреждением берцовой кости”*. А что же Виллие? Он повторно прозондировал рану и, расширив её, сумел извлечь небольшой отломок кости.

А теперь внимание: костный отломок – явное свидетельство огнестрельного оскольчатого перелома. Тем не менее, складывается впечатление, что

¹ С. А. Сушков с соавт. “Трудный пациент. Ранение Петра Ивановича Багратиона”. // “История хирургии”. 2013. Т. 21, №2. С. 6.

даже такой именитый эксперт, как Яков Виллие, отнёсся к ранению князя несколько поверхностно: чиновник от медицины принял точку зрения Говорова, предположив, что маленькая рана, скорее всего, была произведена пулей, но никак не осколком гранаты или ядра. Мысль о том, что глубоко в тканях мог застрять *металлический осколок*, Якову Васильевичу почему-то даже не пришла в голову. Видимо, именно поэтому он распорядился лекарю Говорову отправляться обратно в полк, а Багратиону разрешил (наверное, по просьбе самого генерала) уехать на лечение в Москву. После этого Яков Виллие спешно вернулся к исполнению своих обязанностей в воюющей армии, а князя Багратиона он больше не видел и не осматривал.

* * *

В письме императору Александру I от 27 августа Багратион писал, что он *“довольно нелегко ранен в левую ногу пулею с раздроблением кости”*.

Лекарь Говоров не мог не знать, что *раздробление кости* и есть **перелом**. Таким образом, ранение русского генерала изначально было **сложным**. Достаточно сказать, что уже в первые минуты после случившегося Багратион потерял *до полутора литров крови*, то есть до четверти объёма циркулирующей в теле крови.

Самонадеянность докторов дорого обошлась раненому. В пути Багратион уже в первые сутки почувствовал себя плохо; не желая беспокоить медицинское начальство, генерал приказал послать за полковым лекарем Говоровым. Яков Иванович догнал коляску с князем уже за Можайском, найдя его истерзанным сильнейшими болями, в лихорадке: *“Лихорадка открылась жестокая, колючие боли в ране беспрестанно мучили, аппетит пропал, и первая ночь проведена была в бессоннице”*¹.

Доктору стало ясно, что рана Багратиона достаточно серьёзна, следовательно, оставлять князя один на один с его бедой было никак нельзя. С этого момента и до самой кончины князя Говоров находился при Багратионе.

Вечером 26 августа (7 сентября) князя Багратиона привезли в Можайск, где раненого разместили в подвижном госпитале 8-го пехотного корпуса, развёрнутом в одном из городских трактиров.

Утром 9-го числа французы, ударив по русскому арьергарду атамана Платова, прикрывавшего отступавшие части, вынудили казаков спешно отступить. В результате, в Можайске, по разным оценкам, было оставлено от 7 до 10 тысяч раненых русских солдат, которых не успели эвакуировать.

К счастью, раненого Багратиона вывезли из Можайска накануне сдачи города, 8 сентября...

* * *

Путь до Москвы занял трое суток. К этому времени рядом с Багратионом находилось двое лекарей: уже известный нам Яков Говоров и срочно прибывший после излечения в госпитале главный врач 2-й армии и личный доктор генерала барон Иван Иванович Гангарт.

Езда по тряской дороге приносила Багратиону неопишуемые страдания, однако князь мужественно переносил все испытания, выпавшие на его долю; о его мучениях можно было судить лишь по крепко сжатым обескровленным губам и бледному лицу. Дабы облегчить состояние раненого, доктора ежедневно перевязывали его рану; с целью профилактики воспаления накладывали смягчительные припарки, а для снижения температуры давали пить хинный порошок. Князь терпеливо выполнял все указания лекарей, продолжая при этом неизменно страдать.

Странно, военные лекари — и тот и другой, — будто сговорившись, с какой-то непоколебимой методичностью продолжали пичкать раненого хиной и прикладывать припарки, словно забыв о самом главном — *иммобилизации* повреждённой конечности. Если бы на поражённую голень был наложен простой

¹ Последние дни жизни Багратиона. С. 4-5.

лубок¹, он наверняка предотвратит бы смещение костных отломков, чем удалось бы избежать излишней травматизации окружающих тканей, а также близлежащих кровеносных сосудов и нервных пучков. Но этого, увы, сделано не было. Рана сильно болела и быстро нагнаивалась.

Данное обстоятельство подтверждает только одно: оба врача по непонятной причине были убеждены, что по-прежнему имеют дело лишь с так называемым “простым” ранением. И это заблуждение явилось первым звеном в трагической цепочке событий общей драмы.

Вообще, тот факт, что после осмотра главного военного инспектора Багратиону не была проведена иммобилизация раненой конечности, объяснить чем-либо трудно. Иммобилизация должна была быть выполнена по определению: костный отломок, обнаруженный доктором Виллие в ране, говорил сам за себя, подтверждая перелом кости. Кто знает, возможно, лекарем руководили совсем другие соображения: отломок отломком, но перелом (по крайней мере, “истинный перелом”) должен сопровождаться определённой симптоматикой – так называемыми *косвенными признаками перелома*. Видимо, это и подвело главного инспектора.

Не обнаружив ни патологической подвижности конечности, ни её деформации и изменения длины, Виллие пришёл к выводу, что имеет дело с “неполным переломом”. И в этом заключалась ошибка Якова Виллие: *при любом переломе конечности необходима иммобилизация!*

* * *

Интересный нюанс – вернее, два. Первый: изучение документов, связанных с ранением генерала Багратиона, вносит существенную путаницу относительно главного вопроса: а в какую, собственно, ногу был ранен князь – в правую или в левую? Хотя, на первый взгляд, разночтений быть не должно.

Итак, читаем письмо Багратиона императору Александру: “... Я довольно нелегко ранен в левую ногу пулею с раздроблением кости”.

Из донесения Кутузова на Высочайшее имя: “... Князь Пётр Иванович Багратион ранен пулею в левую ногу”. Вот и в рапорте начальника штаба 2-й армии Сен-При говорится о “жестокой ране в левую ногу”. Какие, извините, ещё требуются доказательства?

Однако не будем спешить. Особенно после прочтения воспоминаний Якова Говорова, который чёрным по белому пишет о ранении “в переднюю часть правой берцовой кости черепком чиненого ядра”. Возможно, полковой лекарь просто-напросто сделал *описку*. Пусть так, бывает. Другое дело, что в таком случае эта самая описка в остальной части исторического документа (я о воспоминаниях) уж точно не должна повториться. И она *не повторилась*. Внимательно пролистав книгу, мне остаётся только развести руками: автор лишь раз упомянул *правую ногу*. И это единственное несоответствие с остальными доказательствами. Таким образом, будем считать, что Багратион всё-таки был ранен **в левую ногу**.

Теперь второй нюанс. То ли по чистой случайности, то ли по другой какой причине лекари будто под копирку писали одно и то же – о повреждении берцовой кости. И всё бы ничего, если бы не одно обстоятельство: этих самых берцовых костей две. Так какая из них? Парадокс: ни в одном документе, ни в воспоминаниях современников не указано, о какой из костей идёт речь – о большеберцовой или малоберцовой.

Общепринято считать, что у князя Багратиона была повреждена именно большеберцовая кость. По крайней мере, так утверждают некоторые современные исследователи². Однако очевидцами об этом не было сказано ни слова.

¹ При переломах конечностей в русской армии предписывалось производить иммобилизацию лубками – тоненькими дощечками, обшитыми холстиной. Лубки уменьшали боль и предотвращали смещение отломков кости, что способствовало заживлению. В каждом полку медперсоналу для оказания неотложной медицинской помощи придавался стандартный набор лубков.

² См.: Будко Д. Ю. “К вопросу о ранении и смерти П. И. Багратиона. // Материалы X Всероссийской научной конференции (Бородино, 3–5 сентября 2001). М., Калита, 2002. С. 58. А также: Давыдов М. И. Была ли рана смертельной? // Наука и жизнь. 2012. №9. С. 26–33.

Следовательно, нет никакого сомнения, что уже позже кто-то из исследователей взял на себя смелость написать о ранении большеберцовой кости.

Хотя факты говорят об обратном: доктор Виллие, распознавший характер ранения, не стал производить иммобилизацию конечности. Не потому ли, что перелом не сопровождался смещением и видимой деформацией голени? Такая клиническая картина бывает характерна при переломе малоберцовой кости: в подобных случаях неповреждённая большеберцовая кость выполняет роль своего рода *иммобилизатора*, предотвращающего смещение костных отломков.

И с этим можно было бы согласиться, если б не одно обстоятельство. В своих воспоминаниях Яков Говоров достаточно точно указал область ранения: *“в переднюю часть... берцовой кости”*. И это говорит о многом. Анатомия голени такова, что малоберцовая кость расположена несколько позади большеберцовой; именно поэтому ранение даже в её переднюю часть оказалось бы *латеральным*, то есть *боковым*. В таком случае лекарь никоим образом не констатировал бы повреждение *“в переднюю часть”* кости, речь бы шла о *латеральной ране*. Таким образом, можно с достаточной долей уверенности говорить о ранении именно **большеберцовой кости**.

Нагноение раны, обусловленное подвижными костными отломками, вызвало резкое ухудшение общего состояния раненого. Уже через несколько дней у князя появился сильный жар. 28 августа Багратиону была сделана очередная перевязка.

Из воспоминаний Якова Говорова: *“Рана найдена ещё воспалённою, лихорадка продолжалась, хотя боли несколько поутихли от смягчительных припарок”*. Однако на следующий день, как следует из записей Говорова, *“...при перевязке открылось нарочитое количество гною в ране. Края оной показались распухшими”*¹.

* * *

30 августа Багратиона, наконец, привозят в Москву. 31-го назначается медицинский консилиум. На сей раз к раненому приглашают профессора Фёдора Андреевича Гильдебрандта, заведующего кафедрой хирургии в Московском университете. Вызванный по настоянию московского генерал-губернатора графа Ростопчина (именно в его доме проходил консилиум), Гильдебрандт делает третью попытку прозондировать рану металлическим зондом. (Напомню, инструменты в то время не стерилизовались; об асептике и антисептике тогдашние медикусы не имели никакого представления!).

Профессор нашёл, что наружное отверстие раны узкое, а сама она довольно глубокая: *“...Вошед в состояние болезни и всех припадков, предположили, что лихорадка происходит от скрывающегося в ране инородного тела, а может быть, перелома самой кости. Общие наши догадки, наконец, подтвердились самым опытом. Надобно было приступить к большому разрезу раны”*².

Тем не менее, Гильдебрандт успокоил как самого князя, так и лекарей, заявив раненому: *“...Пользовали Вас до сих таким лекарствами, какие только благоразумие и опытность могут употреблять”*³. Таким образом, профессор всем дал понять: *лечение проводится правильно*.

Если Говоров и Виллие, недооценившие тяжесть ранения пациента, ограничились всего лишь осмотром раны, её ревизией и наложением “простых” повязок (не посчитав нужным произвести иммобилизацию раненой конечности), то уважаемый медицинским сообществом профессор Гильдебрандт ошибся в другом — он не сделал главного: *не рассёк и не расширил рану, а также её не дренировал*.

И это, пожалуй, было главной ошибкой лекарей. Будучи виртуозными “резателями”, они, тем не менее, выбрали консервативный метод лечения раненого, в котором (и это очевидно) не особенно разбирались. Доктора невольно подписали Багратиону смертный приговор...

¹ Последние дни жизни Багратиона. С. 5.

² Малышева А. Д., Логинова Е. А. Ранение и смерть генерала П. И. Багратиона. // Советская медицина. 1954, №6. С. 41–43.

³ Последние дни жизни Багратиона. С. 9.

Надежды на то, что Москву удастся-таки отстоять, не оправдались. 1 (13) сентября части русской армии заняли позиции в излучине Москвы-реки и на Воробьёвых горах, выполняя тем самым указания диспозиции, составленной генералом от инфантерии Леонтием Беннигсеном. В районе Поклонной горы предполагалось дать французам сражение. Однако после совета высшего командного состава в Филях стало ясно, что Москва будет оставлена. (И вновь, как и в Можайске, в Первопрестольной на милость победителя были брошены 9 тысяч русских раненых, многие из которых позже погибли).

Между тем, состояние Багратиона после очередного медицинского вмешательства значительно ухудшилось. Кроме того, узнав о предстоящей сдаче “матушки-Москвы”, князь едва не лишился чувств.

Яков Говоров: *“... Он от душевных огорчений впал в род некоторого оцепенения чувств и, мало занимаясь физическими своими страданиями, думал, кажется, об одном только благоденствии дражайшего Отечества... Князь во весь сей день не хотел принимать лекарств. Он совсем, казалось, забыл тогда о своём болезненном состоянии. Душа его страдала. Сердце, которое уповалось только надеждою обрести спокойствие в столице, замирало от ужасного предчувствия бедствий, угрожавших матери русских городов”¹.*

2 (14) сентября раненого в четырёхместной карете везут по Владимирской дороге. На сей раз его сопровождают сразу трое докторов – Говоров, Гангарт и профессор Гильдебрандт.

Вообще, вся эта затея Багратиона с поездкой в имение тётки во Владимирскую губернию оказалась не самой лучшей, если не сказать больше – роковой. Достаточно сказать, что путь до имения Голицыных, куда направлялся кортеж с раненым, с учётом бездорожья должен был занять не менее 4-5 дней. И отправься князь по другой дороге, скажем, не на север, а на юг, по Рязанскому тракту, возможно, всё закончилось бы иначе. На Рязань уходила армия Кутузова. Именно поэтому раненого генерала уже через сутки-двое наверняка прооперировали бы в одном из военно-полевых госпиталей.

На неразумность выбранного маршрута указывает и другое: командующий 2-й русской армией рисковал реально оказаться во вражеском плену. Если Тверская и Ярославские дороги ещё худо-бедно прикрывали части Отдельного летучего кавалерийского отряда генерала Винценгероде, то Владимирский тракт почти не охранялся (не считая одного казачьего поста); дорога для французов была открыта. Но знал ли об этом сам князь? Вряд ли.

Доехав до Сергиева Посада, лекари собирают новый консилиум. Багратиону была сделана перевязка, в ходе которой докторам стало ясно, что они до сих пор в характере ранения серьёзно ошибались: налицо был *огнестрельный перелом одной из берцовых костей*.

Говоров: *“Вечеру при перевязке раны ощутительно было зловоние. Самый гной в качестве своём изменился. Берцовая кость на самой середине оказалась косвенно повреждённою. Такое состояние раны заставило нас подумывать о решительном пособии – об операции отнятия голени”².*

4 сентября лекарь объявил князю:

– Ваша светлость, необходима срочная операция. Промедление опасно, есть вероятность развития “антонова огня”. Начинается горячка...

Багратион помрачнел. Было видно, что такой исход развития событий в его планы никак не входил.

– Операция?! – возмущённо воскликнул он. – Я очень хорошо знаю это средство, к которому вы обыкновенно прибегаете, когда не умеет одолеть болезнь лекарствами. Теперь ли помышлять об операции, после которой потребуется долговременное с вашей стороны старание, чтобы привести меня в состояние быть полезным угнетаемому Отечеству?..

Князь находился в крайнем возбуждении. Говорову пришлось дать Багратиону успокоительных капель. Немного успокоившись, генерал продолжил:

– Надеюсь, ваша медицина не так бедна лекарствами для моей болезни, – с гневом в голосе ответил он врачу. – Я твёрдо в том уверен, поэтому считаю, мне можно обойтись и без операции...

¹ Последние дни жизни Багратиона. С. 10-11.

² Последние дни жизни Багратиона. С. 13.

Говоров лишь пожал плечами.

В своём дневнике лекарь записал: “Общий наш медицинский консилиум после таковых решительных ответов князя заключил, что соглашение его на операцию есть дело невозможное и что надобно действовать на его болезнь заблаговременно всеми нужными врачебными пособиями для отвращения пагубных последствий обнаружившейся горячки со всеми припадками, показывающими гнилое растворение соков”¹.

* * *

И здесь хотелось бы отметить одну деталь, связанную с полномочиями лекарей — как Говорова, так и Виллие. Так вот, старший полковой лекарь Яков Говоров даже при всём своём желании не мог бы выполнить такую сложную операцию, как ампутация. Не то чтобы не умел — умел, и даже виртуозно оперировал. Но *не имел на то права*. Ибо в ходе реальных боевых действий серьёзная хирургическая операция, каковой считается ампутация, не входила в его функциональные обязанности. Главной задачей возглавлявшего медицинскую службу полка лекаря являлась грамотная организация эвакуации. Вынос раненых из-под огня, первичная перевязка ран, остановка кровотечений — всё это лежало на плечах полковых лекарей. Впрочем, как и иммобилизация конечности при переломе.

А вот ампутация — прерогатива исключительно госпитальных докторов. Полковой лекарь Говоров мог произвести эту операцию лишь в единственном случае — если бы речь шла, скажем, о так называемой травматической ампутации, когда перерубленная осколком конечность висела на кожном лоскуте. Вот этот кожный лоскут полковой лекарь не только мог, но и был обязан срезать. Он *должен был* это сделать!

В случае с Багратионом ситуация была иная, причём сопряжённая с трудностями диагностики. Именно поэтому обвинять в чём-то доктора Говорова, в общем-то, не приходится, так как нет на это никаких веских оснований. Старший полковой лекарь, оказывая первую врачебную помощь раненному генералу, не нарушил ни одного из предписаний должностной инструкции. Он сделал всё, что мог, в рамках своей компетенции.

С Виллие сложнее. Главный медицинский инспектор в отношении раненого предпринял, скажем прямо, *minimum minimorum* — минимум из того минимального, что мог сделать: ну, разве что организовал быструю эвакуацию подальше от района боевых действий. Как говорится, и на том спасибо. Оказавшись рядом с раненым Багратионом, знаменитый лейб-хирург российского императорского двора и президент Медико-хирургической академии ни одной из своих научных рекомендаций *не выполнил*. Виллие ограничился всего лишь *повторной перевязкой*, будто начисто забыв о рекомендуемых им для хирургов “противоотверстиях” и ранней профилактике “антонова огня”...

* * *

День 4 сентября следует отметить особо: именно тогда генерал Багратион на предложение докторов ампутировать повреждённую конечность **впервые ответил решительным отказом**. Однако медики после того, как поняли, что дали маху (вовремя не обнаружили огнестрельный перелом), чувствовали себя не в своей тарелке. И понять нервозность лекарей можно.

Яков Говоров: “5-го сентября я осмелился сделать новое предложение. Жар моего усердия быть полезным князю увлекал меня от самолюбия, часто понуждающего молчать истину, чтобы не навлечь оную на себя неудовольствия. Но на предложение ему, чтобы позволил, по крайней мере, сделать расширение раны для удобного истечения гноя, для обнаружения в оной как черепка ядра, так и поврежденной кости, для изъятия из полости раны скрывавшихся, может быть, некоторых инородных тел, решительный ответ состоял в прекословии на самое минутное терпение от маловажной операции до

¹ Последние дни жизни Багратиона. С. 16.

приезда в село Симы, принадлежащее князю Б. А. Голицыну, в котором он располагался отдохнуть несколько дней”¹.

Таким образом, 5 сентября, как следует из воспоминаний врача, Багратион вновь категорически отказывается от операции.

Говоров: “6-е и 7-е числа сентября проведены были в дороге, в продолжении которой князь чувствовал жестокую и нестерпимую колющую боль в ране. Часто он принуждён был останавливаться среди полей, часто появлялись на лице его судорожные движения, часто, казалось мне, он готов был расстаться с жизнью, столь для него мучительною. Видя все сии страдания и бывши у него в качестве доверенного и близкого врача, я сам столько же морально, сколько он физически, страдал. Сердце моё разрывалось от сострадания к жалкой его участи...”

При всём помянутом состоянии князя я не опасался за жизнь его. Страдания его увеличивались более от поездки. Биение пульса совсем не походило на биение пульса умирающего. Лицо ничуть не было, как говорят медики, иппократическое, то есть смертное. Дыхание и прочие телесные отправления шли своим порядком”².

Под вечер 7 сентября карета с раненым прибыла в село Сима – конечный пункт назначения³.

* * *

Внешний вид раны князя менялся буквально на глазах: нога сильно распухла, из-под корпии исходило ужасное зловоние, появились видимые очаги некроза. Врачам ничего не оставалось, как пойти на операцию.

“8-го числа сделана была предполагаемая операция расширения раны, – пишет Яков Говоров. – Знатным разрезом мягких частей около раны открыт в ней совершенный перелом и раздробление берцовой кости, которой острые и неровные концы вместе с черепком ядра, глубоко вонзившимся в мясистые части, неоспоримо, причиняли во всё время болезни жестокую и нестерпимую боль, о которой я столько раз упоминал... Рана представилась на взгляд весьма глубокою с повреждением важных кровеносных сосудов и чувственных нервов.

Признаюсь чистосердечно, что я такового повреждения кости и других частей никак не предполагал, будучи свидетелем раны на поле сражения и в продолжение стольких дней. Несовершенный перелом кости был и прежде замечен. Итак, невыгодное положение князя в раскладной карете, из которой выносили его вечером и в которую поутру опять вносили, затруднительные переезды, негладкие просёлочные дороги и тряска в карете были содействующими причинами к совершенному перелому кости. Сие должно было случиться 6-го или 7-го числа сентября. В течение сих дней, как известно, князь страдал ужаснейшим образом”⁴.

– Ну вот, я и операцию вашу вытерпел, – сказал после всех мучений доктору князь.

– Эта операция убедительно доказала, что отсрочка была невозможна, – ответил Говоров. – Мы, доктора, знаем, что порой упущение всего одного дня способно повлечь за собою пагубные последствия для больного...”

– По крайней мере, теперь я чувствую себя значительно лучше. Действие ваших орудий в сравнении с той адской болью, которую я прежде терпел, намного сноснее...”

– Зато сейчас, Ваша светлость, вы освободились от скопившейся в ране злокачественной материи, которая, будучи едкой, причиняла вам столь долгое время неопишумые страдания...”

– Однако, доктор, скажите мне откровенно, возможно ли, чтобы я, перенеся в моей жизни столько походов и тягостных трудов, столько огорчений

¹ Последние дни жизни Багратиона. С. 17.

² Последние дни жизни Багратиона. С. 17–18.

³ В селе Сима Владимирской губернии находилось имение мужа тётушки Багратиона Анны Александровны Голицыной (ур. княжны Грузинской) князя Александра Борисовича Голицына.

⁴ Последние дни жизни Багратиона. С. 18–20.

и неприятностей, столько болезней разного рода, мог тешить себя надеждою вылечиться? — устало повернул голову в сторону Говорова князь. — Я так ослаб! Да и нынешняя операция приведёт ли в лучшее состояние мою рану?

— Теперь вы ослабили от недостатка аппетита, от беспокойств дороги, от раны и душевных огорчений, — поспешил успокоить Багратиона лекарь. — Мы все надеемся на перемены к лучшему, а там и всякая опасность минует. Что же касается раны, то в случае, если сегодняшняя наша операция не принесёт пользы, вы, Ваша светлость, надеюсь, всё же позволите нам сделать другую? Хотя не сомневаюсь: за успех сей последней можно ручаться!..

Багратион грустно посмотрел на Говорова, тот отвёл глаза. В этот момент оба они — и раненый, и доктор, — подумали об одном и том же: отныне судьба Багратиона в руках Всевышнего...

* * *

Вечером раненого мучила сильная жажда. Пришлось снова посылать за лекарем. Говоров явился в покои князя незамедлительно.

— Доктор, не найдётся ли у вас для утоления жажды лучшего питья, нежели то, которым вы меня до сих пор потчевали? — спросил Багратион врача.

— Можно, к слову, выпить мадеры... Правда, предварительно вино следует развести водою.

— Да-да, вино! Приятная кислота шампанского мне некогда уже помогла в утолении жажды, — радостно кивнул князь.

— Насчёт шампанского не возражаю. Сие вино могу смело вам рекомендовать и сейчас...

В эту ночь Багратион впервые за долгое время хорошо спал...

Разговор князя с доктором наводит на очень важную мысль: **Багратион до последнего хотел сохранить повреждённую конечность, ни в коем случае не желая оказаться без ноги и стать калекой.** Ампутация в его глазах теперь представлялась страшнее той гранаты, осколком которой была перебита кость. Однако обстоятельства требовали решительных действий.

Яков Говоров: *“9-го числа поутру рано собрались мы к князю для перевязки раны. Зловоние оной было столь велико, столь несносно, что без курения уксусом с Ло де Колон нельзя было простоять при нём одной минуты. Опытнейший практик доктор Гильдебрандт часто говаривал мне, что он никогда ещё не видал столь гнилого растворения соков, какое примечено было у князя...”*

Отмочив бинты и компрессы тёплой водою и отделив оные от раны, вынимал я потом из полости оной корпейные связочки, напиткиваемые обыкновенно врачевными снадобьями. После сего употреблялось шпринцевание раны декоктом хины с чаем бараньей травы и потребным количеством настоек иногда мирры, а иногда вонючей камеди смешанными. Наконец, после некоторых нужных сноровок, полость раны выполнялась корпейными связочками, намачиваемыми тем же декоктом или осыпаемыми мельчайшим порошком хины, мирры, стираксы, ирного корня и другими ароматическими растениями, из которых каждое приновлялось к обстоятельствам раны¹.

То была гангрена...

* * *

Прошел ещё один день. И вновь — ни слова об операции. В беседах с Говоровым Багратион всячески уводил разговор от опасной для него темы: хоть что, любые лекарства, но только не ампутация!

И вот наступило 10 сентября. Накануне в зловонной ране появились тёмные пятна некроза. Сомнений не осталось: “антонов огонь”, гангрена.

Из дневника Якова Говорова:

“10 числа сентября князь был мрачен. Положение всех обстоятельств его болезни было очень худо. Спасительная помощь природы, столь благодетельная в молодости, явным образом отказывалась помогать согбенной и изнеможенной

¹ Последние дни жизни Багратиона. С. 23-24.

старости. Князь был не что иное, как скелет, едва покрытый сморщенной и сухой кожей, сквозь которую видны были кости. Члены едва двигались, и черви, предтечи всеобщего разрушения, гнездились в глубокой ране. Князь, однако же, не переставал заниматься некоторыми делами по службе¹.

— Мне несносно терпеть то состояние, в котором я с давнего времени нахожусь, — сказал после перевязки Говорову князь. — В своей жизни я ничего не боюсь, да и страдать уже привык. Но моя праздная и бездеятельная жизнь, особенно в теперешнее время, мне становится самым тяжёлым и несносным бременем. Дайте мне какие-нибудь другие лекарства, которые бы скорее поставили меня на ноги. Уж сколько времени прошло без всякой надежды к лучшей перемене моего здоровья!..

— Был бы рад дать Вашей светлости такие лекарства, но у нас их, к крайнему сожалению, нет, — развёл руками Говоров.

— Что ж, остаётся только уповать на одного Бога. И я вверяю себя только одному святому Его Промыслу!..

Ночь прошла тревожно. Рядом с Багратионом постоянно находился доктор Говоров, который также страдал, слыша частые молитвенные вздохи своего пациента и видя, что князь мечется в лихорадке. Сомнений не оставалось: раненый умирал...

Ранним утром 11 сентября Багратион позвал к себе адъютанта Брежинского и долго с ним беседовал. Подполковнику Семёну Брежинскому князь доверял. Поговорив, генерал и его старший адъютант принялись за дело. Брежинский поднёс Багратиону для подписания важные бумаги, приготовленные для отправки в Санкт-Петербург, после чего князь сделал некоторые распоряжения. Потом к раненому были приглашены лекари.

К сожалению, драгоценное время было упущено. Несмотря на лечение хиной и настойкой купоросного эфира, состояние Багратиона ухудшалось буквально на глазах. Ничего удивительного, что в этот день князь, измученный тяжёлым ранением, объявил докторам о своём категоричном решении «оставить принимать лекарства».

— Доктор, с сегодняшнего дня я намерен прекратить принимать лекарства, — со вздохом сказал Говорову Багратион. — Довольно! Вы сделали всё, что только могли. А теперь... Теперь оставьте меня на промысел Всевышнего...

Всё было кончено. Врачи понимали, что надежд спасти князя не осталось. Прекрасно понимал это и сам Багратион, принявший роковое решение. Тем не менее, генерал повёл себя очень мужественно: подписав служебные бумаги для отправки в Петербург, он, помимо прочего, продиктовал завещание, в котором, к слову, не забыл и трёх докторов, завещав им крупные суммы золотыми червонцами. После беседы со священником Багратион как будто даже успокоился. Этот человек полностью отдавал себе отчёт в том, что умирает, но на его лице не было и тени сомнения или страха.

Яков Говоров: «...Равнодушное спокойствие в ожидании последней минуты жизни озарило, так сказать, все черты страдальческого лица князя, и он как будто с удовольствием и нетерпением желал сложить с себя брэнную одежду и одеться в нетленную.»

В 9 вечера князь исполнил последний долг христианина. Мертвенная слабость прерывала движение его языка. Ночь вся протекла в ужасных страданиях...

12 числа сентября еще поутру летарг совершенно почти убил все чувства князя. В первом часу пополудни он тихо скончался...².

Земной путь генерала Багратиона был закончен...

* * *

Итак, 26 августа (7 сентября) князь Багратион, участвуя в Бородинском сражении, получил тяжёлое осколочное ранение **левой голени** с повреждением, как уже было сказано, **большеберцовой кости**. Через семнадцать дней он умер.

¹ Последние дни жизни Багратиона. С. 26-27.

² Там же. С. 31-32.

Мучительная смерть раненого на Бородинском поле русского генерала уже в первые дни после его кончины послужила поводом для разного рода пересудов. И причин для шепотков было, как минимум, несколько.

Во-первых, в отличие от генерала Кутайсова или Тучкова-четвёртого, рану Багратиона ни в коей мере нельзя было назвать смертельной. По крайней мере, своевременная ампутация конечности продлила бы жизнь военачальника на многие годы.

Во-вторых, многие, не скрывая своего возмущения, открыто называли докторов, лечивших князя, виновниками его гибели. Действительно, почему обычное по тем временам осколочное ранение конечности, при котором военно-полевые хирурги, проведя ампутацию, спасали от гангрены и смерти сотни солдатских жизней, явилось причиной гибели полководца? **Всё сводилось к тому, что произошла врачебная ошибка: не сочтя ранение опасным, лекари долгое время бездействовали.**

Вообще, обвинение во врачебной ошибке всегда серьёзно. Тем не менее, в случае с Багратионом она, несомненно, имела место быть. Первоначально – со стороны доктора Говорова. Лекарь лейб-гвардии Литовского полка, осмотрев рану в первый раз, не счёл ранение серьёзным, решив, что оно пулевое. В своих воспоминаниях Говоров, надо отдать ему должное, оправдывался: *“Рана, полученная князем на поле сражения при Бородине, с первого взгляда казалась не столько тяжёлою, поелику небольшое отверстие оной и окровавление скрывали повреждение берцовой кости”*¹.

В немалой степени этому способствовал тот факт, что осколок гранаты перебил только большеберцовую кость, а малая берцовая была цела. Именно поэтому повреждённая голень *не висела* (так было бы в случае перелома обеих костей), вследствие чего создавалось ложное впечатление целостности обеих костей.

Главный медицинский инспектор Виллие наступил на те же грабли: осмотрев раненого, он полностью согласился с Говоровым. Ошибку военно-полевых хирургов мог исправить профессор Гильдебрандт, но и он, судя по всему, оказался не на высоте. Хотя именно тогда, в Москве, ситуацию можно было взять под контроль. Позже один из лекарей, доктор Гангарт, признается, что тяжесть состояния генерала была недооценена: *“В Москве рана была весьма хороша и обещала спасение. Говоров и Гильдебрандт имели надежду на выздоровление”*².

В-третьих, эта самая врачебная ошибка, в общем-то, оказалась вполне закономерной. Будь подобное у кого другого, раненый, вне всякого сомнения, был бы спасён. Его бы перевязали, а потом, иммобилизовав повреждённую конечность, препроводили в ближайший военно-полевой госпиталь, где (опять же, вне всякого сомнения!) хирурги, не раздумывая, произвели бы ампутацию. Однако в данном случае роковую роль сыграл так называемый феномен *большого начальника*.

Сколько их, командиров и начальников, за своё высокое положение поплатились жизнью! Иметь дело с “большим человеком” всегда не только хлопотно, но и опасно: малейшая ошибка чревата для доктора серьёзными последствиями. В подобной ситуации вступает в силу другой феномен – *перестраховка*.

Осмотрев раненого, опытный лекарь Говоров в отсутствие непосредственного начальника (доктора Гангарта, возглавлявшего медицинскую службу 2-й армии) поостерегся пойти на крайние меры, в частности, на операцию и послал за главным инспектором, доктором Виллие. Прибыв к князю, доктор Виллие ограничился осмотром раны и небольшим её расширением. Потом Багратиона перевязали и отправили в тыл. Ничего удивительного, что о точной постановке диагноза в данной ситуации не могло быть и речи: осмотр и первичная перевязка – лишь первые шаги к точной диагностике.

Итак, Яков Виллие, будучи опытным службистом, достаточно быстро избавился от важного пациента, отправив того не в ближайший госпиталь, где Багратиону непременно была бы оказана надлежащая медицинская помощь, а в Москву, где, по его мнению, уровень московских светил был намного

¹ Последние дни жизни Багратиона. С. 33.

² Гангарт И. И. Кончина князя Багратиона. // Сын Отечества, 1813. Часть 4, №11. 13 марта. С. 227-228.

выше – по крайней мере, достаточный для того, чтобы окончательно разобрататься и определиться с лечением.

Травматический шок, сопровождавшийся большой кровопотерей, и *неадекватное* хирургическое вмешательство в первые 48 часов после случившегося серьёзно осложнили как общее состояние раненого, так и характер раны. Сформировалась так называемая *околораневая флегмона голени*. Однако и она не была вовремя вскрыта. Как результат – распространение гнилостной инфекции. Вопрос об ампутации витал в воздухе...

И вот на сцене наконец-то появляется тот, кто должен был, в конце концов, поставить точный диагноз, – профессор Гильдебрандт. Но и он, судя по записям Говорова, повёл себя, скажем прямо, достаточно робко; ибо и он (сам Гильдебрандт!) не сумел окончательно пролить свет на характер ранения. Сталось тем, что *“совершенный перелом”* и раздробление кости были распознаны лишь 8 сентября во время операции по расширению раны, за четыре дня до смерти вконец измученного раненого. Окажись князь-батюшка на операционном столе безымянного военно-полевого хирурга Иванова-Петрова-Сидорова, кто знает, быть может, и жил бы. Хотя – без всяких *“бы”*: точно жил! Так называемая *ранняя ампутация голени* решила бы исход дела в пользу князя.

Но случилось – как случилось: лекарь Говоров мягко переложил всю вину на *“тряскую дорогу и причинённые ей беспокойства”*, вследствие чего оказалось невозможно *“строго выдержать во время переездов план лечения”*. Ну, и как апогей сказанному: *“Я даже сомневаюсь, – писал он, – могла ли быть полезна для князя операция отнятия голени, рано или поздно предпринятая”*¹.

При всей симпатии к лекарю, Говоров здесь явно лукавит: **князь не был обречён...**

* * *

И, наконец, четвёртое. Считается, что 10 сентября, видя свою обречённость, генерал Багратион дал-таки согласие на ампутацию. Другое дело, что на этот раз заупрямились уже сами лекари: *“сильная гнилая горячка, крайнее изнеможение сил и нервные припадки служили уже явными противопоказаниями к предприятю отнятия ноги”*. Всё так – сильная горячка, крайнее изнеможение и нервные припадки... Было всё, кроме одного: согласия Багратиона на ампутацию.

Так вот, согласия раненого на операцию **не было**. По крайней мере, ни в одном из источников подтверждения этому мне найти не удалось. Хотя следует заметить, этих самых воспоминаний об оказании медицинской помощи князю Багратиону не так уж и много, а если быть совсем точным, всего два. Генерал от медицины Яков Виллие не оставил о последних днях Багратиона никаких дневников; столь же молчалив оказался и профессор Гильдебрандт. Не успел написать мемуаров и старший адъютант Багратиона Семён Брежинский, дослужившийся до генерал-майора и умерший в Курске в тридцать семь лет. Не оставил воспоминаний и бывший начальник Главного Штаба 2-й Западной армии генерал-адъютант Эммануэль Сен-При: во время боя под Реймсом весной 1814 года он получил тяжёлое ранение ядром, после чего, несмотря на усилия врачей, спустя 16 дней скончался от гангрены и сепсиса (точно так же, как и Багратион).

Тем не менее, об известных событиях сумели рассказать те, кто был ближе всего к князю, – Яков Говоров (*“Последние дни жизни князя Петра Ивановича Багратиона”*, 1815) и Иван Гангарт (*“Кончина князя Багратиона”*, 1813). Если где-то и можно найти подтверждение согласия Багратиона на ампутацию, то только в этих воспоминаниях.

Я лихорадочно листаю пожелтевшие листы – Говоров... Гангарт... Тщетно! У очевидцев событий об этом не сказано ни слова: умирающий генерал ни единогожды **не давал согласия на ампутацию!**

Из уст князя в те дни исходило только одно:

– Дайте мне любые, пусть какие-нибудь другие лекарства, которые бы поставили меня на ноги!..

¹ Последние дни жизни Багратиона. С. 33-34.

И вот мы подошли к последнему и, пожалуй, самому главному. У князя Багратиона имелись все шансы выжить. Тем не менее, он погиб. В чём же причина фатального исхода (и, главное, в ком!)? В этом-то мы и попытаемся разобраться...

Не нужно быть дипломированным врачом, чтобы понять: при явлениях навсильшей гангрены показано единственное – срочная хирургическая операция. В данном случае – ампутация конечности. Хотя бы частичная. Её могли сделать по распоряжению главного медицинского инспектора русской армии Якова Виллие, причём в первые же сутки-другие. Но такого распоряжения не последовало. Не пошёл на серьёзную операцию и профессор Гильдебрандт: скорее всего, он не захотел рисковать ни жизнью пациента, ни своей репутацией.

Но лучше было бы, если б медикусы, потерявшие драгоценное время, решились-таки на кардинальное вмешательство в виде ампутации всей конечности с резекцией бедренной кости в верхней трети. Быть может, именно это и спасло бы жизнь Багратиону; по крайней мере, имелся какой-то шанс. Однако чуда не случилось. Вопрос – почему?

Кто знает, возможно, для этого имелись более серьёзные причины, нежели те, которые лежат на поверхности. Быть может, искать следует в другом месте – в личной жизни полководца?

Пётр Иванович Багратион был несчастен в браке. Причём, надо заметить, несчастен дважды. Во-первых, он был женат не по любви. А во-вторых, его брак оказался бездетным и мучительным. Впрочем, всё по порядку...

Швейцарский поход русской армии во главе с генералиссимусом Суворовым принёс России громкую славу. На гребне этой славы оказались многие офицеры и генералы, ставшие в высшем свете чрезвычайно популярными. Первым среди равных считался молодой генерал Пётр Багратион. Когда князя заметили при Дворе, император Павел взялся лично присмотреть ему хорошенькую невесту. И вскоре Багратиону была представлена восемнадцатилетняя фрейлина императрицы Марии Фёдоровны графиня Екатерина Павловна Скавронская. Багратион был явно смущён, однако что-либо возразить царю, несмотря на всё своё мужество, не решился.

Смущение князя понять было можно: брак изначально был обречён стать морганатическим. Несмотря на то, что Багратион вёл род от грузинской царской династии Багратидов и даже успел зарекомендовать себя блестящим полководцем, в глазах Двора “милашка” Скавронская была знатнее. Хотя бы потому что происходила из тех самых Скавронских, что и дражайшая супруга Петра Великого, императрица Екатерина Первая. Не из Рюриковичей, конечно (куда там!), но для Багратиона – великолепная партия. Рядом с увальнем-генералом Катрин смотрелась словно левретка придворная: вся такая милая, с белыми кудряшками, будто белый избалованный котёнок... Этакий ангелочек с острыми когтями. Вот пусть сердце грузинского солдафона и растопит, усмехался про себя Павел...

Уже в сентябре 1800 года в церкви гатчинского дворца состоялось венчание молодых, а потом сыграли пышную свадьбу.

“Ангелочек” Катенька была дочерью графа Павла Мартыновича Скавронского, русского посланника в Неаполе, экзальтированного и слегка неуравновешенного человека, и Екатерины Васильевны Энгельгард, племянницы и одновременно фаворитки светлейшего князя Григория Потёмкина. Многие в своём характере Катрин приобрела именно от родителей – нервозность и взбалмошность папеньки и распущенность маменьки.

Возможно, многое в семье Багратионов сложилось бы по-другому, если б не постоянное отсутствие в военных походах главы семьи и своеобразный нрав генеральской супруги. А нрав “ангела красоты” Екатерины Павловны оказался властным, строптивым и непредсказуемым. Кто знает, быть может, припомятому Петру Великому именно поэтому и приглянулась посудомойка Скавронская, что слишком была своенравной? Когда же кровь Скавронских смешалась с кровью Потёмкина, получилась поистине “гремучая смесь”.

И “ангелочек” Катрин Скавронская-Багратион явилась именно той огненной смесью, способной сжечь всё на своём пути...

Семейная жизнь Багратионов не задалась с самого начала. Через какое-то время супружеской жизни Катрин уехала в Европу, где затмила всех тамошних красавиц, причём не только красотой, но и необычными загульными кутежами. За своё чрезмерное пристрастие к прозрачным платьям мадам Багратион в Европе совсем не случайно прозвали “мадам неглиже”; однако за безмерную любвеобильность и чувственность к влиятельным вельможам Катрин всё чаще стали именовать по-другому — “белокурой кошечкой”.

О бурных романах “кошечки” шептались во всех великосветских салонах Европы: и об отношениях с дипломатами — русским Андреем Разумовским и саксонским Фридрихом фон Шуленбургом; и о связи с принцем Людвигом Прусским. И это в то время, когда её муж проливал кровь на европейских полях сражений!

В конце концов, тернистый путь свёл Катрин с “неутомимым ловеласом” Европы, австрийским канцлером князем Клеменсом Меттернихом. На сей раз интрижка вышла за обычные рамки любовных походов, превратившись в прочную, почти семейную связь. Всё дело в том, что, не сумев обзавестись ребёнком в законном браке, ветренная Катрин родила от любовника, который подарил ей дочь, названную Клементиной. Неслыханный скандал! Но и тогда супруг оказался верен себе и княжеской чести: он признал Клементину своей дочерью. И в этом был весь Багратион...

* * *

Однако в сердце Багратиона была ещё одна женщина — великая княгиня Екатерина Павловна, дочь императора Павла I. Они познакомились ещё в ту пору, когда молодой генерал-майор являлся шефом придворного лейб-гвардии Егерского батальона, а Катрин была подростком.

Повзрослев, сестра Александра I окончательно увлеклась Багратионом. Однако тот был женат. Искромётные взгляды черноволосого военного с орлиным носом и великой княжны не остались незамеченными. Катрин следовало побыстрее выдать замуж. Тем более, что от женихов не было отбоя. Претендентами на её руку были, к слову, австрийский император Франц и даже Наполеон Бонапарт... В 1809 году великую княжну выдали замуж за принца Ольденбургского¹. Впрочем, поговаривали, она продолжала любить Багратиона.

Увлечение сестры князем раздражало императора Александра, поэтому он решил отдалить Багратиона от царского дворца.

“Ему не дали передышки не столько из-за трудностей в борьбе с турками, сколько в силу приводящих обстоятельств, — писал известный историк Николай Ковалевский. — Знаменитым “генералом-орлом” увлеклась молодая великая княжна Екатерина Павловна (сестра Александра I), и члены императорской фамилии сочли необходимым побыстрее удалить от неё Багратиона”².

Незадолго до Отечественной войны генерал впал в немилость императора.

* * *

Иногда в той, довоенной, жизни великая княгиня писала ему письма. Послания влюблённой женщины всегда пахли чем-то едва уловимым, особенным. Тогда этот запах просто приятно будоражил, вызывая непроизвольно улыбку. Лишь позже он понял, что в них, этих письмах, содержалось послание судьбы, которая, испытывая его, дарила истинное счастье, ради которого и стоило жить.

¹ Первым мужем Екатерины Павловны (1809–1812) был Пётр-Фридрих Ольденбургский, вторым (1816–1819) — король Вильгельм Вюртембергский. В ноябре 1812 года генерал от кавалерии принц Ольденбургский при посещении созданного его супругой госпиталя в Твери, заразившись от больного, скоропостижно скончался “от горячки”. Брак великой княгини с королём Вюртембергским также продлится недолго: три года спустя она скончалась от сепсиса (исходная причина — “язвочка на губе”).

² Ковалевский Н. Ф. История государства Российского. Жизнеописание знаменитых военных деятелей XVIII — начала XX века. М., Книжная палата, 1997. С. 189.

Заграничные выкрутасы жены удручали Багратиона. Негодую и сгорая от ревности, генерал не находил себе места. Не раз и не два в голову приходили каверзные мысли героически умереть на поле сражения, чтобы одним махом покончить с позором именоваться “мужем-рогоносцем”. Однако пули и ядра как-то странным образом обходили князя стороной. Когда всё же случались ранения, бальзамом опять же были думы о той, которую он давно тайно любил.

Со временем письма великой княгини становились откровеннее. Её сурового батюшки уже не было в живых, а брат Александр, ставший императором, относился к семейной жизни сестры с лёгкой прохладцей. Узнав, что брак князя Багратиона трещит по швам, Катрин пыталась исправить роковую ошибку, произошедшую в её жизни. В своих письмах к князю она давала понять, что по-прежнему влюблена в него; кроме того, очень надеется, что её любовь, возможно, не останется без ответа¹.

Что писал в ответ княгине Багратион, история не сохранила. Однако тот факт, что эти двое были серьёзно увлечены друг другом, не вызывал у современников никакого сомнения...

* * *

“С горестным сокрушением сердца осмеливаюсь донести Вашему Императорскому Величеству, что главнокомандующий 2-й Западной армией генерал от инфантерии князь Багратион после полученной им 26-го минувшего августа на поле сражения у деревни Семёновской жестокой раны в левую ногу волею Божию сего сентября 12-го числа пополудни в 1-м часу скончался Владимирской губернии в селе Симах, принадлежащем генерал-лейтенанту Борису Голицыну...” – доносил в своём рапорте императору начальник штаба 2-й Западной армии генерал-лейтенант Эммануэль Сен-При.

Между тем наполеоновские полчища вошли в Москву, намереваясь разгромить русскую армию и покорить огромную Империю. Однако генеральное сражение при Бородино показало, что русских так просто не сломить. Упрямые москвиты погибали, но не сдавались! К сожалению, для князя Багратиона та битва оказалась последней.

После падения Москвы князь Багратион пришёл к неутешительному умозаключению, что жить не стоит вовсе! К чему земная юдоль для обречённого на унижения калеки?! Все эти вздохи и сопереживания отнюдь не для него, грузинского князя! Если нельзя жить горным орлом, стоит ли бороться за жалкое существование?! И это ощущение собственной ничёмности угнетало Багратиона больше всего.

Согласиться на ампутацию, понимал князь, – изначально обречь себя на унижительную жизнь инвалида. Калека не нужен ни ветреной жене, ни многочисленным родственникам, которые привыкли видеть князя исключительно в ореоле воинской славы... Да и смог ли бы он предстать перед великой княгиней Екатериной Павловной с жалкой деревянной культяшкой!? Никогда! Уж лучше мучительная смерть, чем убогое прозябание...

Герой Отечественной войны 1812 года генерал Пётр Иванович Багратион умирал в одиночестве. Вокруг него, как и положено, сновали опытные медикусы, приближённые, челядь и даже дальние родственники... Но не было той, кому надлежало в тот момент быть рядом, – его супруги. Ангелочек-кошечка была занята другим: находясь далеко за границей, она занималась там весёлым времяпрепровождением и устройством собственной беспутной жизни. Естественно, на деньги, присылаемые из охваченной войной России. Позже вдова будет горько сожалеть о своей ветрености, но то будет позже. Но когда её муж умирал, в жизни Катрин Багратион будут только балы, любовники и развлечения.

А ведь всё могло закончиться иначе. Если бы, к примеру, где-то рядом, буквально за его спиной, находился родной и близкий человек. Преданная супруга, как бы генерал к ней ни относился, могла всё разом изменить и даже вернуть его к жизни. И Багратион это прекрасно понимал, как и то, что любимой жены у него фактически нет. Всего лишь одна видимость, обман, недосказанность. Катрин-ангелочек давно не его. По сути, это совсем чужая ему

¹ Впоследствии все письма Екатерины Павловны к князю Багратиону и полученные ею от генерала были уничтожены.

женщина. Семейная жизнь не принесла ни радости, ни счастья – одно разочарование. Семья оказалась для Багратиона безжизненной пустыней.

Люди считали, что князь обожал свою жену. Возможно, так оно и было. Однако, вне всякого сомнения, недолго: ветренная супруга рано или поздно становится невозможной, и тогда любовь постепенно иссыкает, как ручей в засушливое лето. Страсть должна быть взаимной...

Багратион отходил. “Всё конечно. И, быть может, к лучшему”, – вертелось в его голове. Жизнь, когда златоглавая Москва сдана на поругание завоевателей, ничего не стоит. Особенно, если из-за собственной беспомощности нельзя что-либо изменить. Его место в строю. Только там, среди своих солдат, боевой генерал способен защитить родную землю. Одиночество – страшная и убийственная пытка. Невозможность в скорбную минуту послужить своей армии и родному Отечеству – куда уж убийственней! Стоит ли бороться за такую жизнь? Какова её цена?!

Нет, не только ошибка лекарей привела к трагедии, у этой драмы имелись и более глубокие причины. Оставление Москвы неприятелю повергло раненого генерала в глубочайшую депрессию. В случившееся просто не хотелось верить! Будь рядом семья, она непременно смогла бы облегчить тяжесть огромного горя. Но рядом никого не было, разве что тётюшка. Только сейчас князь осознал, насколько он одинок: у него не было ни преданной жены, ни детей... А русскую землю топчет иноземный сапог. Оставшись один на один со своим несчастьем, князь оказался во власти безысходности...

В скорбной предсмертной улыбке Багратиона крылось отчаяние. Он никак не ожидал, что может умереть от обычного, на первый взгляд, ранения в ногу... Боязнь оказаться беспомощным инвалидом сыграла с князем злую шутку: раз за разом он отказывался от ампутации, которую ему предлагали доктора. Нежелание жить побеждённым оказалось сильнее. Багратион очень любил жизнь. Но перспектива жить калекой и побитым генералом угнетала его. Багратионы всегда были победителями – сильными, волевыми, неустранимыми. Многие из них погибли от боевых ран. А потому жизнь калеки – не для него. И если лекари этого так и не поняли, убеждать их не стоит: каждому своё. А он, генерал от инфантерии Багратион, умрёт достойно – от боевого ранения, сохранив генеральскую честь...

В полдень 12 (24) сентября 1812 года князь Пётр Иванович Багратион скончался¹...

Прекрасной эпитафией погибшему военачальнику, на мой взгляд, стали бы слова Ивана Ивановича Гангарта: *“Во всё время болезни, до последнего часа, днём и ночью я находился при одре его. Он чувствовал от раны жестокую боль, ужасную тоску и страдал иными мучительными припадками, но не изрёк ни малейшего сетования на судьбу и страдания свои, снося их, как истинный герой; не ужасаясь смерти, ожидал приближения её с тем же спокойствием духа, с которым готов был встретить её и среди ярости сражения...”*².

В приложении к рапорту о гибели генерала Багратиона на имя императора Александра I из штаба 2-й Западной армии находилось *врачебное донесение* о лечении князя, подписанное докторами Говоровым, Гангартом и Гильдебрандтом. В нём врачи уведомляли монарха, что рана командующего была смертельной, а они сделали всё возможное для спасения его жизни...

Не прав будет тот, кто назовёт смерть князя самоубийством. Нежелание мириться с действительностью не есть самоубийство. Отважный не способен лишиться последней надежды – это прерогатива слабого. **Багратион боролся до последнего.** Даже тогда, когда он терял сознание, спальною князя оглашали крики приказов и распоряжений: генерал продолжал воевать!

Свою смерть князь Багратион принял спокойно, со свойственным ему хладнокровием. Его последними словами были: “Боже! Спаси Отечество!” Затем закрыл глаза. Навсегда. Впрочем, возможно, окружающим это только казалось: на самом деле он был не так уж далёк от них, ведя своих кирасир в очередную атаку...

И его трагическая гибель стала ещё одним **подвигом**, который совершил этот боевой генерал...

¹ 17 сентября Багратиона похоронили в церкви св. Димитрия Солунского в Симе. Яков Говоров: “Тело его положено в самой церкви, в каменном склепе”. В 1839 году по инициативе поэта-партизана Дениса Давыдова прах князя Багратиона был перезахоронен в Курганной вышоте у подножия памятника героям на Бородинское поле.

² Гангарт И. И. Кончина князя Багратиона. // Сын Отечества, 1813. Часть 4, №11. 13 марта. С. 227-228.